

A close-up photograph of several cut logs stacked together. The logs show the natural grain and texture of the wood, with some bark still attached. In the top right corner, there is a white circular icon with a black border containing the text '16+'.

16+

Анастасия Яковлева
ОСТАВШИЕСЯ

Анастасия Дмитриевна Яковлева

ОставШИЕСЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65063887

SelfPub; 2021

Аннотация

Железнодорожная станция Шиес, увязшая в болотистых почвах севера России, вдруг ожила. Лагеря протестующих, дежурные посты – всё, чтобы не допустить создания мусорного полигона. Герои рассказа становятся участниками реальных событий: столкновения с полицией, конфликты со строителями, попытки разрушить лагерь. Что будет в итоге, оставшиеся с Шиесом или оставшиеся ни с чем?

Анастасия Яковлева

ОставШИЕСЯ

Здесь уже давно никто не живет, кроме меня и того мужчины, стоящего между деревьями. Я не знаю, как его зовут, – не слышал. Про себя я называю его Иван Иванович, и он, кажется, не против. Наверное, так же, как и я, думает, что ему идет это имя. За свою долгую жизнь я побывал в каждом уголке этого края, который местные жители называют Поморьем. Здесь много Иванов, оттого я и думаю, что этот мужчина – тоже Иван. И непременно – Иванович.

А кстати, где же он? «Иван Иванович?» – эхо передразнивает меня насмешливым воем и вдруг замолкает где-то вдалеке: боится, что я догоню. Странно. Он стоял, смотрел вдаль и вдруг исчез. Люди в его возрасте не пропадают так быстро, да вообще всем и всегда нужно время, чтобы дойти до точки, в которой вдруг пропадаешь.

Я нашёл его дома. Старинная русская изба уже давно обветшала: в щели без приглашения влетали сквозняки и хозяйствовали внутри: дом охал от беспорядка непрошенных гостей и с каждым годом оседал всё ниже и ниже, пытаюсь то ли спрятаться ото всех, то ли похорониться. Я всегда вежливо веду себя у него в гостях. Стараюсь не шуметь, ступаю тихо и осторожно, словно по воздуху, не кручусь вокруг кресла, в котором он сидит по вечерам, прикрывшись пле-

дом и интересной, лет 5 не дочитанной книгой. Я его понимаю, ведь мы примерно одного возраста. Я знаю, ему будет неприятно, если его покой нарушат. Я знал это и тогда, год два назад, когда решился всё же потревожить его.

То утро было холодным, совсем не летним. Кто-то, видимо, забыл предупредить погоду о том, что на дворе июль. «Июль, матушка!». Она не слышала: слова не долетали, их тут же прибивали к земле тяжелые капли дождя. Странно, что я тогда уловил эти звуки. Что-то гремело, стонало, падало – внизу начиналась гроза. Молния вспыхнула пронзительным светом машинных фар и ударила в небо.

«Что же это делается? Как же теперь быть?». Я прятался под деревьями, бежал, низко-низко пригибаясь к земле. Не знаю, хотел я убежать от грозы или наоборот ринуться ближе к ней, но в итоге оказался в самом эпицентре. Гром стал почти невыносимым – это техника валила деревья, веками простоявшие здесь.

«Надо сказать Иван Иванычу, предупредить его! Ведь он один, не справится. А может, наоборот, справится потому, что есть хотя бы он один». Я метался из стороны в сторону вслед за своими мыслями. В конце концов – решено. Я скажу ему, но как и что? Передать ему звуки, все до последнего: от хруста гигантского ломающегося дерева до писка маленькой задавленной букашки. А вдруг не поймет меня? Закроет уши, наденет шапку и запрется в избе. Да... так и будет. Но надо попробовать!

Я застал Иван Ивановича спящим. Как неловко! И всё же я начал его будить: то передам гудение лесоповалочных машин, то принесу в дом запах сырой перекопанной земли. Ничего. Слишком крепок был сон этого одинокого человека. Тогда я решил пойти на крайние меры: смёл с полки несколько тарелок. Они упали на пол и с треском падающих деревьев разбились. Иван Иванович проснулся, бросил взгляд на то, что было тарелками, и нехотя встал, чтобы убрать осколки. Я перешел к другой части дома и, напрягаясь из последних сил, повалил кочергу. Иван Иванович замер, прислушиваясь к тишине, затем подошёл к печке. А я этого и добивался! Здесь, в этом самом месте, он и услышал то, что напугало меня в лесу.

Мы вышли на разведку вместе, оставив тарелки и кочергу. Он шел уверенно, ориентируясь на гром. Путь занял минут 15, не более. Наконец, мы оказались там, где деревья падали, цепляясь за холодные частички воздуха и звеня, предупреждая об опасности. Иван Иванович оказался смелее, чем я думал. Я замешкался в кустах, а он уже пошел навстречу ревущему бульдозеру. Он подходил осторожно, сбоку, размахивая руками так, чтобы попасть в поле зрения водителя. Последний, кажется, не ожидал увидеть в этой чаще человека. Двигатель затих, гусеницы бульдозера перестали осквернять землю. Дверь приоткрылась, из кабины выглянул маленький, напуганный водитель.

— А если б смял тебя, а, дедуля? Вместе с лесом и криками

о помощи. Куда ж ты так под машину кидаешься?

– Не кидался я никуда, только спросить хотел, что ж такое творится тут? Земля трясется, у меня в избе тарелки разбились, кочерга и та в обморок упала.

Признаюсь, тут мне стало обидно, ведь тарелки и кочерга – это всё я! Но тогда не до этого было. Я притих и снова прислушался к их разговору. Водитель отвечал:

– Дорогу тут, дедуля, будем строить. Железную!

– А почто нам тут дорога? Уж сколько лет сюда никто не ходит, ездить, думаешь, станут?

– Станут, конечно. Предприятие тут будет, экологическое!

– Да что ж тут, разве мало экологии? Лес, природа, грибы-ягоды.

– Мало ты понимаешь, дедуль. Из Москвы сюда мусор привозить будут, экотехнопарк построят: Шиес!

– Эка невидаль: экотехнопарк! Еще чего не хватало.

– Кому как, а мне вот зарплаты не хватало! Ну, об этом мне не тебе говорить надо.

Водитель рассмеялся, захлопнул за собой дверцу и снова завел машину. Я видел, как он помахал в окне: то ли прощался, то ли просил убраться с дороги. «Дедуля» (это ж надо было додуматься так назвать моего Иван Иваныча!) отошел в сторону, окинул взглядом лес, а никакой не экотехнопарк, и побрел обратно к дому.

Мне сложно понимать людей. Я вспоминаю вчерашнего,

позавчерашнего, да что там – прошлогоднего Иван Иваныча и сравниваю его с сегодняшним. Другой. Совсем другой, хотя внешне всё такой же. Ему будто стало тяжело: он грузно опускается в кресло, гуляет по лесу, смотря в землю со странной хмуростью и благоговением.

Он вдруг принялся утеплять дом. Летом. Стал заделывать щели, чтобы сквозняки не шептали ему «Шшиесс», не упрёкали в бездействии вечерним тихим свистом. Мы почти перестали встречаться. Он предпочитал оставаться дома, а мои осторожные редкие визиты прерывал отчаянным ворчанием: «Ишь, расшумелся тут, а ну выметайся!». И я выметался, вместе с пылью, сором и негодованием.

Иван Иваныч больше не хотел знать про Шиес. Я догадался после нескольких неудачных попыток рассказать ему о том, что там происходит: о новой технике, о срубленных деревьях, о чужаках, которые работали там, и о маленьком вагончике.

О последнем я хотел рассказать обязательно. Там были люди, 2-3 человека каждый день выходили на стройку и наблюдали за ней, что-то фотографировали, записывали. «Подрядчики», – подумал я, но как-то вечером, проскользнув в вагончик, услышал их разговор. Сначала слова не складывались в смысл: активисты, вахты, дежурства – какое отношение это имеет к строительству? Лишь спустя пару минут я понял, что это имеет самое прямое отношение к строительству, вернее к его прекращению.

Я помогал этим людям изо всех сил, как мог. Моей основной обязанностью было поддержание костра, чтобы он горел и днем, и ночью. Я сам взялся за это дело. Не скажу, что у меня всегда хорошо получалось. Особенно сложно было дежурить ночью: огонь потухал, и я уже не мог развести его самостоятельно. Приходилось пробираться к людям и будить их. Мне не нравилась эта часть моей работы, но нравилось быть полезным здесь, на Костре – так назывался наш пост, наш второй дом.

Я заглядывал к Ивану Иванычу в перерывах между дежурствами. Когда люди садились у костра варить обед или ужин, я убегал вглубь леса, к нему. С собой у меня всегда были гостинцы: треск горящих сухих веток, аромат походного супа, смех активистов. Правда, мне редко удавалось донести всё это в целостности и сохранности: что-то непременно терялось на том отрезке пути, который я проделывал, пусть он и был небольшой. Иван Иванычу не нужны были мои подарки. Он запирался в избе, задёргивал шторы и не обращал внимания на мои попытки пробраться к нему. Те обрывки запахов и звуков, которые я приносил, застревали в нескольких слоях утеплителя.

Обычно я безмолвно уходил прочь. Ему не нужны были новости от меня, для него больше не существовало Шиеса. Я понимал его и не понимал одновременно. Буквально под его носом (будь он чуть более восприимчив!) творилось нечто незаконное, вопиющее в своей безгласности, а он – делал

вид, что ничего не знает!

Я метался вокруг его дома, не желая в этот раз уходить ни с чем. Ведь он мог бы помочь им – тем людям, которые дежурят на посту; он бы мог помочь мне – мы знакомы столько лет – поддерживать этот костёр! Я прервал вихрь мыслей, резко ударив в дверь, вдруг прорвавшись внутрь дома.

– Аййй, что б тебя... – послышалось от Ивана Ивановича. Судя по звукам, он поднялся с кресла и пошел прямо ко мне. Я затаился у самого выхода, чтобы не спугнуть его. И когда он оказался рядом со мной, набросился на него со спины, схватил и вытолкал на улицу. Там валялись брошенные мною гостинцы. Я силой дотащил его до того места, где лежали, сваленные в кучу треск веток, аромат супа и обрывки смеха.

– Холод собачий, что б вас всех... – выругался он, распинав всё, что было приготовлено для него, и развернулся обратно к дому.

Этого я не мог вынести: я буквально налетел на него, чуть не сбил с ног, испугался своей же силы и уже аккуратно, легко подтолкнул его вперед. Иван Иванович замер. Я заметил, как дрогнули его уши, уловившие смех и голоса людей; как сморщился нос, не веря, что ощущает запах костра; как тонкой влажной пленкой затянулись глаза, еще не видя, но уже – предвидя.

– Я вернусь, – прошептал он мне, медленно, но решительно поворачивая к дому. Не прошло и 15 минут, как он по-

явился на пороге одетый, готовый идти в путь.

Костёр встретил его горячим пламенем и теплыми объятиями, разговорами: кто таков, откуда родом и, самое волнительное, думаешь, отстоим Шиес?

«Отстоим-отстоим» – говорил то ли мне, то ли себе Иван Иваныч, собираясь на очередное ночное дежурство. Мы хорошо сработались за прошедшие полгода: выходили на разведку всегда вместе. Я старался держаться чуть впереди, чтобы передавать ему звуки, запахи – все важные сведения. Но иногда мне нечего было сообщать. Мутная, зернистая темнота ночи создавала помехи: в черно-белой ряби вдруг начинали мерещиться фары подъезжающих машин с топливом, а между голыми, прикрытыми лишь снегом ветвями деревьев пробегал шепот охранников. Чаще всего мы дежурили на насыпи около станции Шиес: оттуда было видно стройку и наш лагерь. Там меня одолевало настоящее безумие. Я крутился вокруг Ивана Иваныча, желая в этом зернистом сумраке найти хоть крупинку правды; забирался под его тулуп, ощущая своё бессилие.

– Тише-тише, – успокаивал он меня, и я затихал на минуту, а потом вновь уносился к железной дороге.

Я нес двойную вахту: дежурил с каждым активистом и приглядывал за Иван Иванычем: здоровье-то у него не очень. С последним мне помогали волонтеры. Сейчас, стоя за окном вагончика, я видел, как ему наливают горячий, све-

жезаваренный иван-чай, и безмолвно радовался их находке. Ведь разве может быть что-то лучшее для Иван Иваныча, чем иван-чай? Тёплое стёганое одеяло укрыло его от меня, и я отправился к посту с новыми активистами.

Той ночью их было несколько. Они шли по лесной дороге, молча смотрели по сторонам и лишь иногда, с улыбкой кивая друг другу, шепотом говорили: «Шиес наш». Я видел их глаза – они единственные не были закрыты от морозов – и по ним догадывался, что в этой фразе нет ни капли собственничества, но есть безграничное уважение к той земле, по которой они ступали, которую называли родиной.

Я притих, заслушался их тихим перешептыванием друг с другом и с природой: та отвечала покачиванием деревьев: «Наш, наш». Вдруг – вспышка. Сразу за ней – гром. Я устремился вперед и тут же налетел на экскаватор. За ним тянулась вереница грузовиков с гипнотически-зелеными фарами, которые то и дело мигали в темноте. Я метнулся назад – лишь бы успеть предупредить людей – но они уже знали.

– Скорее, назад! Я задержу! – Я устремился к экскаватору, уперся в ковш и принялся толкать его в обратную сторону. Из-под скрипевших гусениц осколками вылетала промерзшая земля, разрезала чистый лесной воздух, и в эти порезы вливался запах выхлопных газов.

Техника не слушалась меня. Я обернулся и с ужасом обнаружил, что меня не послушались и люди. Они шли прямо на экскаватор. Сначала они ступали медленно, затаив ды-

хание. Мягкие подошвы валенок будто успокаивали землю, практически не оставляя следов на ней. Но уже здесь, под ногами у активистов, она начала дрожать, испугавшись приближающейся машины.

Вдруг экскаватор остановился: заглох двигатель. Мне показалось, что всё закончилось. Но закончилось всё лишь на секунду и только для того, чтобы возобновиться с удвоенной силой. Зарычала техника, ей в ответ – люди. «Убирайся отсюда!», «Куда ты прёшь?», «Везите свой мусор обратно!».

Никто уже не думал о земле. Я бессильно опустил и лег на нее: теперь мы вместе переживали весь ужас происходящего. Сквозь пелену шума до нас изредка долетало: «Разве ж так можно?». Эта фраза повторялась всё громче и громче, она шла к нам до тех пор, пока вдруг не упала рядом.

«Разве ж так можно?» – произнес человек, упавший к нам, и закрыл глаза. В это время раздался треск. Я увидел, как экскаватор, гусеницы которого тряслись в конвульсиях, замер. Сломанное пополам дерево зажало его мертвой хваткой так, что капот испустил последний вздох, наполнив воздух тяжестью горелого масла. Грузовики не двигались. Выпучив немигающие фары, они смотрели на то, как из открывшейся кабины экскаватора падал – сначала медленно, а потом совсем быстро – водитель.

Меня помутило от резкого запаха алкоголя, когда я приблизился к нему. Едва ли он почувствовал боль: спиртное стало хорошим анестетиком, но плохим помощником в во-

ждении. Я отошел от него, стараясь мелкой поземкой очистить себя от этого запаха. Нашего активиста окружили люди, я с трудом протиснулся к нему. Он был в сознании, но едва ли ему было лучше от этого.

Из грузовиков повыпрыгивали водители. Шатаясь, они подошли к своему коллеге. Постояли. Помолчали. Накло-нились. Я отвернулся от них: противно смотреть. Через несколько часов приехала скорая. Не помню, что творилось в это время. Я был измотан. Медленно добрались мы до поста, где я, спрятавшись под вагончик, совсем стих, замолчал, прислушиваясь к разговорам людей.

Я не сразу понял, что не все голоса, которые я слышу, знакомы мне. Где-то (или это были галлюцинации?) хмурились малознакомые мне бранные слова. Я вылетел из-под фургончика, в панике затушил костёр и устремился в лес. Мне не пришлось долго искать: по одной из тропинок шли закутанные в каски и бронежилеты военные. Они приближались – специально или случайно – к нам.

Я выхватил у них несколько слов, грубых и колючих (других у них не имелось), и понес их к Костру. Я ворвался на пост и неаккуратно, торопливо бросил их прямо в воздух. Слова порезали чей-то слух.

«Аййй, бестолковый», – я закрутился на месте, досадуя на себя и свою неосторожность, но люди, кажется, были рады узнать о приближении военных до того, как те окажутся на посту. Если, конечно, такой новости можно обрадоваться.

Среди активистов распространялось напряженное и вместе с тем приятно-взволнованное настроение: зачем они идут сюда? Может, в этот раз скажут что-то хорошее?

– Говорим вам по-хорошему, – обращался к активистам полицейский, скручивая за спиной руки одному из наших, – все эти палатки, вагончики нужно убрать. Они стоят на земле, которая вам не принадлежит.

– А что она, мусору принадлежит? – парень, только что стоявший с руками за спиной, вдруг вывернулся и теперь вызывающе смотрел полицейскому прямо в глаза. На его вопрос ответили дубинкой. У других активистов желание спрашивать отбили тем же способом. А полицейский тем временем продолжал:

– Вы совершаете административное правонарушение, располагая все эти объекты на территории, принадлежащей ООО «Технопарк». Либо вы сами демонтируете ваши сооружения, либо тут прибираемся мы. Всё равно на этом месте скоро будет свалка, так почему бы не приступить к выбрасыванию ваших палаток прямо сейчас?

– Этот участок находится в безвозмездном пользовании!

– Вы не имеете права!

– Только по решению суда!

Я чувствовал, как слова бросают прямо на меня. Пытался поймать каждое и вложить в уши всех собравшихся, но разве будет слышен смысл, когда все вокруг кричат? Воздух стал плотным, терпким от напряжения, слова застревали в нем и

растворялись, как в серной кислоте.

Не знаю, что вдруг нашло на меня, но это казалось мне единственным выходом. Я поднимался, подбирая с земли колючие снежинки, а затем с размаху стал кидать их в лица собравшихся. Без разбора, где свои, где чужие. Им стало трудно говорить, люди смолкли.

– Значит, так, – начал полицейский с покрасневшим от моей атаки лицом, – вагончик этот мы опечатаем. Действуем в соответствии с законом и вам советуем.

В воздухе повисла отчаянная, безнадежная тишина. Отряд полицейских опечатал вагончик, составил какие-то протоколы на присутствующих. Кажется, про моего Ивана Ивановича они у себя ничего не написали. И тут только я опомнился: а где же он? Дорогой мой товарищ?

Его тулупа не было видно. Может, он ушел куда, а я не заметил? Вряд ли. Я принялся заглядывать в лица людей, надеясь разглядеть знакомые черты. Вдруг его просто переодели? Пока я тихо лежал под вагончиком и... а выходил ли он из вагончика?

Я обернулся. На секунду мне показалось, что это обман зрения, галлюцинация. Над опечатанным вагончиком дрожал серый перепуганный воздух. Нет, не воздух. Дым. Он шел из печной трубы, значит... Иван Иванович мог быть там!

Я долетел до вагончика, чуть ли не сбивая с ног активистов. Заглянул в окно и увидел знакомые шерстяные носки. Он тихо спал после ночного дежурства. Казалось, что там,

внутри, место полного душевного спокойствия. Только теперь оно запрещено. Об этом беззвучно кричала яркая пломба на дверях.

Где-то, кажется, щелкнул затвор. Этот щелчок отозвался у меня мыслью: «Он же может задохнуться там». Я сгреб в охапку весь дымок, пытаюсь донести его до активистов; растерял по дороге.

Еще несколько секунд на возвращение к вагончику, еще одна попытка доставить запах дыма. Безуспешно. Его было слишком мало, чтобы донести до людей, но слишком много, чтобы не навредить моему Иван Ивановичу.

Я пытался проникнуть через щели – не вышло: слишком узкие. Забрался прямо в трубу, обжегся горячим тяжёлым запахом, но всё же вытащил его на улицу и бросил под нос первому попавшемуся активисту. Я увидел, как он обернулся, заметил мелкие вибрации в воздухе – сообщение об опасности – а затем направился прямо к дежурным, охранявшим вход в вагончик.

– А вы проверили, не осталось ли кого внутри? – мягкий вопрос-просьба.

– С чего бы там кому-то оставаться? – грубый, недоверчивый голос в ответ.

– Дым из трубы идёт. Дайте осмотреть вагончик? – те же спокойные интонации.

– Не положено. – фраза разрежала пространство между дежурным и активистом.

Следующие три часа мы убеждали полицейских открыть дверь. Нам не нужны были вещи, средства связи, сам вагончик – только Иван Иваныч, которого заметили и остальные. Я пытался самостоятельно сорвать пломбу, мне-то за это ничего не будет. Но эта маленькая клякса крепко вцепилась в дверь и заодно в жизнь моего Иван Иваныча. Время от времени я заглядывал к нему через щель. Он лежал неподвижно, так, что сложно было сказать, спит он или...

– Или сейчас же откройте вагончик! – донеслись до меня отчаянные крики, – Вы что, сами-то не люди? Человек задохнется, и это будет на вашей совести.

Я подхватил последнее слово и положил его прямо под каски дежурных, чтобы оно еще долго отдавало им эхом, проникало глубоко внутрь, туда, где эта самая совесть крепко спала.

Наконец, их убедили снять пломбу. Дверь оказалась заперта изнутри. Активисты, дежурные, я – мы все вместе стали стучать в вагончик, кидать в него ветки. Через несколько минут дверь открылась, дым выплюнул наружу Ивана Иваныча. Я попытался подхватить его, но друг оказался слишком тяжелым для меня. Он упал прямо перед ногами полицейских.

Скорая долго везла его в больницу. Я толкал машину, когда она застревала в подтаявших ямах, придерживал ее на скользких поворотах и всё пытался разглядеть сквозь непрозрачное стекло моего Иван Иваныча. Я увидел его бледно-се-

рое лицо только раз, когда помогал санитарам, поддерживая носилки. «Отравление угарным газом», – пояснил мне кто-то из них перед тем, как его отобрали у меня. Они ошиблись с диагнозом. Я был уверен, что это отравление ядовитой реальностью.

В терапевтическом отделении, куда его перевели не так давно, было спокойно. Единственное, что угрожало жизни Иван Иваныча, – это необходимость оставаться пока в больничной палате, но он не унывал. Из окна был виден лес, ему нравилось представлять, что где-то там стоит дом. Его не было видно только из-за зеленеющих крон деревьев, а вовсе не потому, что он находился в другой стороне.

Я точно знаю, что Иван Иваныч думал об этом. Потому что он сам мне рассказывал. Открывал окно в палате нараспашку (хоть врачи и ругались на него) и впускал меня внутрь.

– Ну что, старый северный ветер, расскажи мне, что там в мире делается? – спрашивал он меня.

И я рассказывал ему, как мог. Иногда говорил обрывками пойманных где-то фраз, иногда чириканьем птиц. Я всегда приносил с собой свежий лесной воздух, запах влажной почвы, сладковатый аромат мать-и-мачехи, а как-то раз мне удалось поднять до его этажа маленький зеленый листок. Он улыбнулся, поймал его и бережно положил в карман рубашки. Словно догадался, что этот подарок я нес от самого Шиеса.

О Шиесе мы больше не говорили. Он узнавал все новости из газет, которые приносили ему санитары, или от активистов, которые навещали его, непременно принося целебный для Иван Иваныча иван-чай, засушенный по особому рецепту. Он выздоравливал быстро, наверное, потому, что недавно стало известно: Шиес наш. Его отстояли. Вскоре после этого события мы вместе вернулись домой.

Тихо, почти шепотом, он говорит мне: «Знаешь, Старый Ветер, мне даже немного грустно, что Шиес закончился. Не потому, что уехали волонтеры; не потому, что мы с тобой остались одни. А потому, что про нас теперь забудут... да уже забыли. Про всю Архангельскую область. Раньше говорили, нет – кричали! Вспомнили вдруг, что есть такая. А сейчас что? Тьфу-ты. Величайшим подарком за отвоеванный Шиес станет забвение, молчание. И никому этот регион уже не понадобится; ни для свалки, ни для чего. Ветер перемен дует не в нашу сторону. Прав я, Старый Ветер?»

Здесь уже давно никто не живет, кроме меня и того мужчины, стоящего между деревьями. Я не знаю, как его зовут, – не слышал. Про себя я называю его Иван Иваныч, и он, кажется, не против.